

ИСТОРИЯ НАУКИ

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
YU.A. VINOGRADOV

РОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГ КИРИЛЛ РОДИОНОВИЧ БЕГИЧЕВ¹ RUSSIAN ARCHAEOLOGIST KIRILL RODIONOVICH BEGICHEV

Кирилл Родионович Бегичев – человек, стоявший у истоков боспорской (а можно сказать и шире – российской археологии) и сделавший для неё очень и очень многое. Имя его отнюдь не забыто [см.: Ростовцев, 1925, с. 263; Марти, 1926, с. 20-21, 29, 62–65; Тункина, 2002, с. 299; Лазенкова, 2003, с. 28-29; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009, с. 53], но единственная специальная работа, посвящённая его жизненному пути, появилась совсем недавно [Виноградов, 2016]. Об этом человеке, к огромному сожалению, мы знаем чрезвычайно мало. Не сохранилось ни единого портретного изображения, которое можно было бы уверенно с ним связать, правда, в деле, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и содержащем большое число документов, связанных с его профессиональной деятельностью, имеется фотография мужчины, к сожалению, не аннотированная [рис. 1; ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 1]. Фотография относится к концу 1850-х – началу 1860-х гг., и очень может быть, что на ней изображён именно К.Р. Бегичев [Богданов, Захаров, 2015, с. 211, рис. 1].

Так уж получилось, что имеющиеся архивные документы не позволяют нам назвать точной даты рождения К.Р. Бегичева [Тункина, 2002, с. 299, прим. 117]. Тем не менее из этих документов известно, что в 1837 г. ему исполнилось 18 лет [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 30, л. 9], а в 1846 г. – 27 [ф. 9, д. 22, л. 6-9; д. 30, л. 9], т.е. год рождения приходится на 1819-ый.

В археологию этот человек попал после довольно продолжительной военной службы. В 1846 г. штабс-капитан К.Р. Бегичев оставил её, и генерал-лейтенант Соболевский, временно командовавший тогда 5-м пехотным корпусом, в котором проходил службу будущий археолог, дал ему краткую характеристику [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 30, л. 9-10]. Этот документ содержит важные сведения о жизни Кирилла Родионовича до его поступления на службу в Керченский музей древностей.

Итак, Кирилл Родионов, сын Бегичев 2-й (т.е. у него был старший брат), происходил из дворян Могилевской губернии. О его родителях армейский документ, естественно, сведений не приводит, но сообщает, что 13 февраля 1835 г. тот был принят в

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-31-10151а(ц) «Российские археологи XIX – начала XX вв. и курганные древности Европейского Боспора».

Дворянский полк для «научения порядка военной службы». В этом полку К.Р. Бегичев дослужился до унтер-офицера и 5 мая 1837 г. был произведён в прапорщики, «имея от роду восемнадцать лет». Затем 27 июля этого года он был определён в Минский пехотный полк и прибыл в него 5 октября. Здесь «для испытания по службе» молодой офицер был прикомандирован к Первому учебному карабинерному полку и переведён в него 29 декабря 1838 г. В этом полку К.Р. Бегичев дослужился до чина поручика и 3 мая 1843 г. был переведён в Виленский егерский полк. Во время службы в составе виленцев в январе 1844 г. он принял участие в походе из города Севастополя на Кавказ для усиления Отдельного Кавказского корпуса. После того как полк достиг г. Керчи, 21 января он был переправлен на судах Черноморского флота через Керченский пролив в г. Тамань. Оттуда путь его пролегал к Усть-Лабинской крепости. Из неё К.Р. Бегичев был направлен в крепость Владикавказ, куда и прибыл 11 марта 1844 г.

Документ сообщает также, что особых поручений К.Р. Бегичев никогда не имел, но в числе прочих штаб- и обер-офицеров неоднократно получал «Высочайшие благоволения» за смотры, ученья, манёвры и т.п. Специально отмечено также: «Российской грамоте читать и писать умеет, закон Божий, геометрию, арифметику, правила строевой гарнизонной и лагерной службы, главные правила тактики и малой войны, полевую фортификацию, законоведение и гимнастику знает». Подготовка, надо признать, весьма солидная, но спрашивается, как это всё могло помочь К.Р. Бегичеву в его будущих занятиях археологией? Далее в этом документе записано: «В штрафе по суду и без суда не был. Высочайшим замечаниям и выговорам не подвергался. ... Жалобам не подвергался. ... В неприличном поведении оглашаем и изобличаем не был». Как будто служба шла своим обычным путём, К.Р. Бегичев дослужился до звания штабс-капитана, но вдруг решил оставить карьеру офицера по причине плохого здоровья.

Дальнейшие события жизни К.Р. Бегичева кратко изложены в рапорте, направленном 10 марта 1853 г. керчь-еникальским градоначальником Д.И. Гагариным министру уделов Л.А. Перовскому [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 22, л. 3]. Из него становится известно, что, подав заявление об отставке, Кирилл Родионович выхлопотал себе четырёхмесячный отпуск и прибыл в г. Керчь, где 10 января 1845 г. по распоряжению тогдашнего градоначальника генерал-майора князя З.С. Херхеулидзе был допущен к исполнению должности скульптора и рисовальщика при Керченском музее. Увольнение со службы было получено позднее – только 22 марта этого года. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор утвердил его в новой должности 17 июня 1846 г. Помимо обязанностей скульптора и рисовальщика, К.Р. Бегичев с 7 марта стал даже исполнять обязанности директора музея [там же]. Директором Керченского музея древностей тогда, как известно, был А.Б. Ашик, но он вынужден был часто уезжать в Одессу, поскольку одновременно являлся и директором Одесского музея. Не трудно понять, что отношения с непосредственным начальником у Кирилла Родионовича не сложились [Тункина, 2002, с. 299].

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

В мае 1846 г. по распоряжению министра Императорского двора К.Р. Бегичев был командирован в С-Петербург для доставления в Императорский Эрмитаж керченских древностей. Доставленные вещи произвели на императора большое впечатление, и Кирилл Родионович «за труды и усердие по части археологии» был награждён бриллиантовым перстнем. Складывается впечатление, что в С-Петербурге К.Р. Бегичев бывал довольно часто.

В «Формулярном списке» К.Р. Бегичева записано, что, помимо своих основных обязанностей, он «исправлял должность директора Керченского музея с 7 марта 1846 г. по 31 мая 1850 г.» [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 22, л. 6–9]. В октябре 1850 г. в Керчи было сделано замечательное открытие – керченский мещанин М.И. Щербина в одном из курганов на Глиннице обнаружил мраморную статую мужчины, потом при его участии была найдена и другая, женская. Эти находку приписал себе А.Б. Ашик; летом 1851 г., когда Л.А. Перовский находился проездом в Керчи, К.Р. Бегичев поведал ему об обстоятельствах этого дела [Бич, 1958, с. 89]. В 1852 г. А.Б. Ашик со скандалом лишился своего поста [Тункина, 2002, с. 301–302]. Что касается Кирилла Родионовича, то он с 4 октября 1851 г. был «допущен вновь к исправлению должности директора музея» [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 22, л. 3]. Происшедшие перемены, казалось бы, обещали К.Р. Бегичеву существенное продвижение по служебной лестнице.

Но вернёмся несколько назад, к событиям 1845 г., ознаменовавшим крутой поворот в судьбе Кирилла Родионовича. Спрашивается, что могло стать причиной его? Почему явно совсем неплохой, исполнительный офицер, каким был К.Р. Бегичев, вдруг захотел переквалифицироваться в археологи? Что заставило его оставить налаженный порядок военной службы и обратиться к занятию, которое ему было совершенно неизвестно? Плохое здоровье – причина, конечно, очень веская, но и полевая работа археолога требует хорошего здоровья. Самое простое объяснение состоит в признании факта, что К.Р. Бегичева увлекли памятники классической древности, которые он увидел в Крыму; Волынский полк, как было сказано, стоял в Севастополе. Поход на Кавказ, прошедший через Керчь и Тамань, возможно, укрепил этот интерес. Однако даже увлечённому археологией человеку как-то не разумно ни с того ни с сего бросать свою службу и отправляться в Керчь, надеясь поступить на работу в музей древностей. Приходится предполагать, что в Керчи во время похода на Кавказ произошла встреча (встречи?) К.Р. Бегичева с князем З.С. Херхеулидзе и, по всей видимости, керченскими археологами. Без такой встречи и какой-то предварительной договорённости трудно понять, как он решился отправиться в Керчь из Владикавказа, даже не получив отставки.

Другой вопрос связан с тем, что простой армейский офицер был взят на должность скульптора и рисовальщика. Человека с улицы, как известно, в художники не берут. Для этого нужно обладать особым талантом и специальным образованием. Такого образования у К.Р. Бегичева явно не было! Конечно, можно предполагать о врождённой художественной одарённости этого человека. Здесь, однако, следует

указать на другое важное обстоятельство – старший брат Кирилла Родионовича, Александр Родионович Бегичев (1816–1894), был достаточно известным художником-пейзажистом². Может быть, от него Кирилл Родионович усвоил основы работы художника? Во всяком случае, рисунки боспорских древностей, «археологические пейзажи» окрестностей Керчи и пр. у него получались совсем неплохо; есть сведения, что он даже писал портреты [Жиль, 2009, с. 260].

Понятно, что на К.Р. Бегичева было возложено проведение археологических раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове, которые, по заключению петербургского начальства, «производил он с отличным усердием». Граф Л.А. Перовский, принимавший активные меры к организации археологических исследований в России [о нём см.: Майков, 1902, с. 541–550; Петрова, 1997, с. 190-191; Тункина, 2002, с. 252–255], даже выхлопотал для него подарок из Императорского кабинета – часы стоимостью 315 руб. [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 22, л. 5]. Если учесть, что годовое жалованье титулярного советника К.Р. Бегичева в то время составляло всего 572 руб. в год, то этот подарок следует признать не просто ценным, а очень ценным.

О работе К.Р. Бегичева в качестве художника в это время мы знаем не очень много. Однако А.Б. Ашик в третьем томе «Воспорского царства» заметил, что рисунки к его книге были исполнены К.Р. Бегичевым, при этом работа оплачивалась из личных средств автора и обошлась ему не дёшево [Ашик, 1849, с. XVII]. Позднее он исполнил некоторые рисунки к фундаментальному изданию «Древности Боспора Киммерийского» (СПб, 1854) [Тункина, 2002, с.240-241; Жиль, 2009, с. 270].

В 1851 г. Л.А. Перовский посетил район Боспора Киммерийского, осмотрел тамошние памятники древности. К.К. Гёrc отмечал, что в этом году у графа возникла мысль «поручить производство раскопок на Таманском полуострове исправляющему обязанности директора Керченского музея Кириллу Родионовичу Бегичеву, который с начала 1852 г. и приступил к этим работам» [Гёrc, 1898б, с. 53-54]. На самом деле раскопки были начаты ещё в 1851 г., но оказались безуспешными. А.А. Гвоздев, являвшийся секретарём Л.А. Перовского, в своём письме К.Р. Бегичеву от 7 ноября 1851 г. отметил, что граф «не мог не заметить, что Вам не следовало производить ни раскопок для отыскания пещеры, в которой будто бы найдены были саркофаги малолетними Осташевыми³, ни разрытий в том месте, где были отысканы медали отставным есаулом Пуленцовым⁴, так как граф лично Вам говорил, что Его Сиятельству желательно было бы при случае самому приступить к этим разысканиям» [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 12]. В этом письме отмечено

² А.Р. Бегичев, как и младший брат, был военным, дослужившимся до чина генерал-майора. В 1860-ые годы он был вольнослушателем Академии художеств, в 1863 г. даже получил 2-ую серебряную медаль; участвовал в выставках Московского общества и Академии художеств [см.: Булгаков, 1889, с. 67; Художники народов СССР, 1979, с. 317].

³ Об этой пещере см.: Гёrc, 1898а, с. 67-68.

⁴ Об этом кладе см.: Гёrc, 1898б, с. 37-44.

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

также, что рисунки К.Р. Бегичева, относящиеся к этим раскопкам, Л.А. Перовским получены, а рисунки с изображением обломков мраморных статуй, найденных в Керчи, возвращаются художнику [там же, л. 13].

В письме А.А. Гвоздева содержится и иная, очень важная для нас информация [там же, л. 12 об]:

«Господин министр совершенно одобряет предложение Ваше оставить раскопку курганов, производимую *на счёт*⁵ Его Сиятельства; равным образом признаёт полезным расследовать, как Вы предполагаете, одну из огромных насыпей, рисунок которых Вами представлен, и один из тех курганов, которые имеют уже впадины, – в надежде отыскать какие-нибудь любопытные мраморные произведения. Но сии последние работы будут предприняты на счёт правительства, о чём Вы в своё время получите предписание через местное начальство».

Для правильного понимания отношений, сложившихся между Л.А. Перовским и К.Р. Бегичевым ни в коем случае не следует упускать из вида, что граф был увлечённым нумизматом, коллекционируя, прежде всего, боспорские монеты (золотые, серебряные и очень хорошие бронзовые), и Кирилл Родионович стал добывать для него всё новые и новые находки такого рода, создав целую агентурную сеть, поставлявшую ему редкие монеты. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится неоконченное сочинение Е.Е. Люценко «Несколько слов о нумизматической переписке К.Р. Бегичева с графом Л.А. Перовским», в нём он писал о Кирилле Родионовиче как о «главном агенте по приобретению монет для составления босфорской коллекции графа Перовского» [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 364]. Эта коллекция монет Боспора Киммерийского «едва ли не была единственною в Европе» [там же, л. 363 об.; см. также: Богданов, Захаров, 2015, с. 210–214].

План археологических работ на 1852 г. был составлен К.Р. Бегичевым и одобрен Л.А. Перовским [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 64], он включал раскопки не только курганов в окрестностях Сенной, а также у Южного кордона в районе Тузлы, но и турецкой крепости под Таманью, и селения Фонтан [НА ИИМК, ф. 9, оп. 1, д. 15, л. 44]. В мае Л.А. Перовский в сопровождении Н.И. Надеждина и А.А. Сибирского вторично посетил Керчь и Тамань. Тогда под его наблюдением были раскопаны два кургана в окрестностях древней Фанагории, в результате чего открыты весьма любопытные древние гробницы. Непосредственным руководителем этих раскопок был К.Р. Бегичев [Гёрц, 1898а, с. 52–95; Застрожнова, 2014, с. 472–474]. Работы под его руководством в Тамани были продолжены в 1853–1855 гг. [Гёрц, 1898а, с. 96–135; Застрожнова, 2014, с. 474–478; 2016, с. 143–146].

Что касается раскопок 1852 г., то они проходили непросто, и в письме К.Р. Бегичева от 10 июня чувствуется чуть ли не отчаяние: «Положение моё теперь весьма затруднительно: на Тузле ничего не открыто; в Тамани ничего не окончено; на Фонтане ничего не начато» [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 71]. Тем не менее,

⁵ Слова, выделенные курсивом здесь и далее, в документах подчёркнуты карандашом (Ю.В.).

раскопки этого года дали несомненный научный результат, в частности на некрополе Фанагории была открыта хрестоматийно известная гробница с фигурными сосудами [ДБК, с. 92-96, табл. LXX; Застрожнова, 2012, с. 203–207].

В декабре 1851 г., т.е. ещё до проведения масштабных раскопок на Таманском полуострове, К.Р. Бегичев обратился к Л.А. Перовскому с одной инициативой. Дело в том, что тогда керчь-еникальский градоначальник по настоянию Кирилла Родионовича запретил местным татарам добывать камень в курганах без надлежащего на то разрешения от музея. Смысл такого запрета вполне понятен. Татары, однако, этим решением были очень не довольны и обратились к властям с весьма неожиданной просьбой – позволить им «рыть курганы с целью разыскания в них древностей». Средств на раскопки, естественно, не хватало, и К.Р. Бегичев принял тогда «соломоново решение» [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 16]:

«Я дозволил им раскопку курганов с тем условием, чтобы раскопка была произведена ими в местах им указанных и чтобы каждая яма в кургане была как следует окончена. Обещая им за то с моей стороны: за каждую находку из золотых вещей платить стоимость золота по весу, а за другие вещи – давать на магарыч, предоставляя им в то же время право на вывоз камней из курганов, которые будут уже исследованы. Таким образом, теперь работают до 40 человек татар, из коих одни отрывают гробницы, другие собирают камень».

Кирилл Родионович даже доложил в Петербург, что таким образом было открыто более 20 гробниц и 4 катакомбы [там же, л. 17]. Л.А. Перовского, однако, такие успехи керченских археологов не обрадовали, и в письме А.А. Гвоздева от 21 января 1852 г. по этому поводу сказано [там же, л. 25 об. – 26]:

«Его Сиятельство изволил заметить, что Вы напрасно дали позволение татарам разрывать курганы, если это разрытие предоставлено им самим без всякого надзора, так как в письме своём Вы не упоминаете, чтобы за ними было наблюдение. Хотя такой способ и обходится дешёво, но зато он не представляет никакого обеспечения к тому, чтобы все находимые предметы были предъявляемы, тем более что назначенная Вам плата за золотые вещи так незначительна, что находчикам гораздо выгоднее сбывать отысканные ими золотые вещи предпочтительно евреям и армянам. Надо платить вдвое против ценности золота»⁶.

Замечания Л.А. Перовского в данном случае следует признать вполне разумными. Несколько иначе дело обстояло с разработанными им в 1851 г. «Общими правилами для представления правительству древних вещей, находимых в Керченском

⁶ В письме от 21 апреля 1853 г. Л.А. Перовский писал по этому вопросу: «Вообще следует заметить, что за древние золотые вещи, приобретаемые для Музеума Эрмитажа, назначено платить вдвое против веса золота по той причине, что вещи сии обыкновенно обращают на себя внимание изящностью своих форм и красотой отделки; но в случае, когда сия последняя представляет что-нибудь особенно замечательное, можно заплатить и более двойной цены золота. Если же, напротив, продаваемая вещь не хорошо сохранена и отделка её не имеет в себе ничего особенного, то хотя и можно купить её, но следует стараться приобрести дешевле сказанной оценки» [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 112].

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

градоначальстве и его окрестностях» [см.: Виноградов, 2015а]. Этот документ, подготовленный по всем правилам бюрократической премудрости, прежде всего устанавливал жёсткое правило – все древние вещи, найденные частными лицами, должны были передаваться керчь-еникальскому градоначальнику и тому уже следовало направлять их в С-Петербург для возможного приобретения в музей Императорского Эрмитажа. От К.Р. Бегичева требовалось принять эту систему к неукоснительному исполнению [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 19]. Однако в реальной жизни это было непросто, «Общие правила» оказались малоэффективными, и на один их изъян Кирилл Родионович указал в письме от 12 февраля 1852 г. Дело в том, что при точном соблюдении этой инструкции он уже не имел права приобретать для Л.А. Перовского золотые и серебряные монеты, поскольку это, мягко говоря, не находило понимания у градоначальника [там же, л. 35]. Возможно, по причине этого замечания в ответном письме от 6 марта 1852 г. А.А. Гвоздев резко одёрнул керченского археолога, указав ему, что граф «постоянно озабочивается и желает, чтобы поручения его были исполняемы со всею возможною *точностию* и *скоростию*, и потому Вам не мешает принять за правило при получении приказаний Его Сиятельства, прямо ли от него самого или передаваемых через меня, отвечать по ним с *первою почтою*. Я тем более имею основание Вам это сообщить, что такого рода совет имеет единственную целью направить Ваши действия к угождению г. министру и, следовательно, и к Вашей собственной пользе» [там же, л. 38].

Надо признать, что резкости подобного рода в переписке Л.А. Перовского с К.Р. Бегичевым встречаются крайне редко. Напротив, граф по-своему заботился о служебном росте лиц, которые оказались с ним связанными. Нет сомнения, что по его указанию А.А. Гвоздев в письме от 8 января 1852 г. советовал К.Р. Бегичеву [там же, л. 21]:

«В бытность Вашу в Петербурге, помнится мне, я говорил Вам о необходимости переименоваться в гражданский чин и для возвращения хоть сколько-нибудь потерянного Вами старшинства представить на уважение высшего начальства какие-либо акты и документы, которые доказывали бы, что Вы со дня увольнения Вашего из военной службы проводили время не праздно, а трудились для науки и исполняли служебные обязанности по гражданскому ведомству. Я и теперь остаюсь при том же мнении, видя, что, если Вы не будете заботиться о приведении в ясность служебного Вашего положения, то нисколько не можете подвинуться вперёд и в настоящем Вашем отставном военном чине не будете в состоянии никогда занять порядочной гражданской должности. Следовательно, от Вас самих зависеть будет подать прошение и представить доказательства, которые дали бы высшему начальству Вашему возможность сделать в этом отношении что-либо в Вашу пользу».

К.Р. Бегичев прислушался к этому совету и писал А.А. Гвоздеву 18 ноября [там же, л. 86]:

«Собрав все документы, какие нашлись в делах градоначальства об определении моём к Музеуму, я сам составил по ним свой формулярный список, изложив в нём

подробно обстоятельства, сопровождавшие переход от службы военной к гражданской и определение моё к Музеуму. Других документов, доказывающих пользу моей службы при Музеуме, я надеяться <получить> не могу по той причине, что теперешний градоначальник, не зная моей службы, не может о ней свидетельствовать.

С моей стороны я могу только прибавить, что всё, что высшему начальству угодно будет для меня сделать, послужит мне обязательством – быть искренне признательным и полезным до последней моей минуты».

Л.А. Перовский, ставший в 1852 г. министром уделов и управляющим Императорского кабинета, 8 апреля 1853 г. принял постановление «О штате Керченского музеума древностей и о суммах, на содержание его назначенных» [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 28, л. 1-2]. В нём, в частности, было сказано:

«При развитии ныне археологических разысканий и при производстве оных в одно время в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове необходимо, чтобы в каждой из сих местностей находился особый чиновник для главного надзора за разысканиями.

Потому я признаю необходимым, чтобы каждому из главных лиц, которые будут заведывать раскопками в обеих помянутых местностях, было придано в помощь ещё по одному младшему чиновнику.

На сём основании я полагал бы определить при директоре помощника, но для соблюдения экономии назначить в сию должность нынешнего рисовальщика и скульптора при музеуме штабс-капитана Бегичева с настоящим его содержанием⁷, в помощь же им для наблюдения и надзора за раскопками прибавить двух младших чиновников».

Несколько ранее принятия этого программного документа, 30 марта 1853 г., на должность директора Керченского музея древностей был назначен А.Е. Люценко [о нём см.: Лазенкова, 2001, с. 287–292; 2003, с. 23–29; Тункина, 2002, с. 303–304, прим. 140; Зуев, 2007, с. 8–13]. Соответственно, К.Р. Бегичев получил должность помощника директора, и первостепенной задачей его профессиональной деятельности стало проведение раскопок на Таманском полуострове. Обязанностей рисовальщика и скульптора с него при этом никто не снимал! В июне 1853 г. в Керчь прибыли чиновники А.С. Линевич и Я.М. Лазаревский, один из которых должен был помогать А.Е. Люценко при раскопках на территории Керченского градоначальства, а другой, соответственно, – К.Р. Бегичеву на Таманском полуострове.

Совсем не праздным является вопрос: а как Кирилл Родионович воспринял факт назначения на директорский пост Александра Ефимовича? Неужели он, неоднократно исполнявший обязанности директора, не мечтал видеть себя в этой должности, так сказать, на постоянной основе? Однако судить о том, как складывались отношения этих двух незаурядных личностей, почти невозможно. Тем не менее, приведу одно место из письма, адресованного А.Е. Люценко из Петербурга К.Р. Бегичеву 24 января 1856 г. [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 241 об.]:

⁷ При сём на помощнике директора должны лежать и обязанности рисовальщика и скульптора.

ем и передана вся документация и имевшаяся в музее сумма денег, всего 2307 рублей серебром [НА ИИМК, ф. 9, д. 47, л. 46].

Именно К.Р. Бегичев доложил Л.А. Перовскому об обстоятельствах захвата Керчи вражеским десантом. В своём рапорте он, в частности, писал [там же, л. 52-53]:

«Положение наше на Таманском полуострове сделалось критическим. Если не подоспеют войска, ожидаемые с правого фланга, то трудно предвидеть, что может случиться. При первой возможности я поспешу переехать в г. Ставрополь, куда постараюсь перевезти также дела и другие принадлежности музеума, доставленные для хранения на станцию Сенную. ... Работы по раскопке курганов, предпринятые близ ст. Сенной, будут сегодня прекращены».

Надо признать, что действия отставного штабс-капитана были образцом организованности и дисциплинированности. Он сумел спасти документацию музея и имеющиеся в нём денежные средства и, в конце концов, прибыл к А.Е. Люценко под Екатеринбург. За всё это К.Р. Бегичев получил заслуженную награду – бронзовую медаль на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг. [НА ИИМК РАН, ф. 1, 1861 г., д. 3, л. 3].

После завершения Крымской войны археологические работы в районе Боспора Киммерийского пошли своим чередом сначала под Феодосией, а потом и на берегах пролива. Но тут в рабочий процесс вмешался один бюрократический момент. Петербургское начальство решило, что необходимо подвести итог материальных потерь Музея древностей в прошедшей войне. Такое решение, в общем, вполне оправданно, поскольку действительно было бесполезно узнать, каким образом были израсходованы казённые деньги, что из музейного имущества сохранилось, а что безвозвратно утеряно. Всё это так, но к исполнению начальственных указаний главные сотрудники музея отнеслись по-разному. К.Р. Бегичев, как представляется, решил отделаться формальной отпиской, а вот А.Е. Люценко оказался сторонником предельной точности в составлении отчётного документа. В общем, ему пришлось довольно резко отчитать своего помощника.

Из сохранившейся переписки понятно, что К.Р. Бегичев направил директору музея несколько посланий, и они того никак не удовлетворили, во всяком случае, 24 января 1856 г. Александр Ефимович указывал Кириллу Родионовичу [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 240 – 241]:

«В первой из сих бумаг Вы ссылаетесь на письмо моё от 7 октября, на основании которой просите разрешения на производство каких-то новых расходов, предполагаемых Вами для сохранения казённой мебели в Черномории, не упоминая в следующих потом отзывах о действительной надобности сих расходов и о количестве их. Ссылка ваша на письмо моё показалась мне немного крючковакою. Впрочем, я просил бы Вас не делать подобных ссылок в бумагах Ваших ко мне, которые должны иметь одну форму и один официальный характер; в представлениях же графу (Л.А. Перовскому – Ю.В.) подписываться так: за отсутствием директора помощник его такой-то, или исправляющий его должность такой-то. Примите этот добрый со-

гунных колёс, которые и были переданы при тачках в арестантскую роту 26 апреля 1854 г. Следовательно, помянутые 7 чугунных колёс принадлежат к дополнительному изготовлению. Впрочем, если для Вас любопытно разрешить эту загадку, то потрудитесь припомнить, когда они были изготовлены. К 10-ти же тачкам, которые я принял от Вас, они принадлежать не могут, потому что тачки эти положительно снабжены были деревянными колёсами.

Неприятностями я называю небрежно составленные Вами описи, за правильность которых я отвечаю. Если Вы были далеки от них, то я желал бы быть ещё дальше».

Приведённые документы, на мой взгляд, оставляют какое-то странное впечатление. Россия в Крымской войне понесла большие людские потери, а о материальных и говорить не приходится – они были огромны. А тут два уважаемых человека спорят из-за колёс к тачкам. Уверен, что А.Е. Люценко и мысли не допускал, что К.Р. Бегичев в целях личной наживы продал их кому-нибудь из местных жителей. Дело здесь в ином – в особенностях его характера, проявлявшихся в излишней щепетильности.

К 1858 г. относятся первые рисунки К.Р. Бегичева, хранящиеся сейчас в Научном архиве ИИМК РАН. Это пейзажная зарисовка местности около речки Мелек-Чесме с обозначением важных археологических памятников, которые там находились (рис. 2). Один из таких памятников – Мелек-Чесменский курган – был раскопан в этом году, в результате чего был открыт ограбленный, но замечательный по своей архитектуре каменный склеп с уступчатым перекрытием.

В 1858 г. было сделано одно из важнейших открытий в истории боспорской археологии, связанное с исследованием кургана на Павловском мысу. К.Р. Бегичев сделал зарисовку этой местности (рис. 3), составил планы и разрезы раскопок Второго Павловского кургана [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 148–151, рис. 5–8].

Вскоре в истории отечественной археологии произошла в высшей степени существенная перемена – 2 февраля 1859 г. была создана Императорская археологическая комиссия, во главе которой был поставлен граф С.Г. Строганов. Керченский музей древностей был включён в структуру этой организации [Виноградов, 2012, с. 32–33]. К.Р. Бегичев при этом был оставлен на должности помощника директора, но за ним по-прежнему сохранялись и обязанности рисовальщика. Теперь Кирилл Родионович уже не проводил самостоятельных исследований на Таманском полуострове, всем этим занимался А.Е. Люценко, а он, конечно, очень нуждался в помощнике, который мог в нужный момент заменить его. Петербургское начальство требовало, чтобы результаты раскопок были документированы профессионально выполненными рисунками, и эта нелёгкая работа целиком ложилась на плечи К.Р. Бегичева.

Керченские археологи, естественно, надеялись, что создание Императорской археологической комиссии приведёт к улучшению их положения, прежде всего, материального, но эти надежды оказались напрасными. Время, когда ими управлял граф Л.А. Перовский, теперь казалось им почти идиллическим, на этой почве, естественно, возникло недовольство. Его выражением стало письмо С.Г. Стро-

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

ганову от К.Р. Бегичева, написанное 27 апреля 1859 г. Для того чтобы в полной мере представить себе суть начавшегося было конфликта, приведу текст письма полностью [НА ИИМК, ф. 1, 1859 г., д. 7, л. 11-12]:

«Простите за смелость, с которой я обращаюсь к Вашему Сиятельству. Меня вынуждает к тому крайность, о которой Ваше Сиятельство, конечно, не извещены, но которая ставит меня в положение близкое к отчаянию. Находясь при Керченском музее 15 лет в качестве рисовальщика, скульптора и разыскателя древностей, я получал постоянно одно и то же жалованье 572 рубля. Недостаток этого содержания был для меня всегда чувствителен и требовал особенных усилий и трудов с моей стороны для поддержания себя. Окончив дела по службе, я принимался за частную работу, *не зная почти никогда, что такое свободное время и покой*. Таким образом прошли 15 лет, я трудился, жил и надеялся – мне казалось неестественным, чтобы судьба моя наконец не изменилась и чтобы хоть на старости лет мне не дали содержания, которое обеспечило бы моё существование без всяких посторонних трудов, для которых здоровье моё не может больше служить мне.

Полученные здесь на днях новые штаты лишили меня этой надежды – новыми штатами мне определены всё те же 572 рубля, тогда как в Керчи по её исключительному положению относительно цен на все жизненные потребности нужно *по крайней мере втрое больше*.

При таком положении дел мне остаётся или искать другое место, или просить об улучшении моей участи. Я предпочитаю последнее, потому что я свыкся здесь с моею обязанностью и могу быть здесь полезен более, чем где-нибудь.

По положению новой Императорской археологической комиссии от Вашего Сиятельства все зависит, и я всепокорнейше прошу Вас дать мне другое назначение, какое бы то ни было; я надеюсь оправдать себя, *но* (подчеркнуто двумя чертами – Ю.В.) с высшим содержанием или же, если это окажется невозможным, позволить мне просить у Вашего Сиятельства отпуска в С-Петербург с сохранением содержания для приискания какого-либо места по другому ведомству».

Директор музея А.Е. Люценко в письме, направленном С.Г. Строганову 5 мая, полностью поддержал своего помощника [там же, л. 10; Виноградов, 2012, с. 36-37]. Письмо К.Р. Бегичева председатель Археологической комиссии оставил без ответа, точнее, ответом на обе керченские корреспонденции стало его послание А.Е. Люценко, датированное 4-м июня 1859 г. [НА ИИМК, ф. 1, 1859 г., д. 7, л. 14-15; Виноградов, 2012, с. 37-38]. В нём граф внёс ясность в вопрос взаимоотношений директора музея и его помощника. Главная обязанность последнего, как оказалось, состоит в подготовке нужных рисунков, а также, по усмотрению директора, в оказании помощи руководству музея. В отношении самого К.Р. Бегичева председатель Археологической комиссии писал:

«Что касается до докладной госп. Бегичева, то, имея полное уважение к Вашему ходатайству, я не могу перевести его на другое высшее место с высшим содержанием, по неимению для него мест ни в Археологической комиссии, ни в Римской. Если

Боспорские исследования, вып. XXXV

же, как он излагает в своей докладной записке, для его потребности на этом месте нужно ему получать по крайней мере втрое больше теперешнего его содержания и он полагает искать себе место в другом ведомстве, то я не нахожу к последнему никаких препятствий, но не разрешаю ему для этого отпуска с содержанием в Петербург, особенно в настоящее время, когда для Вас должен быть нужен помощник. В том случае, когда он останется при своих желаниях или будет уклоняться от исполнения своих обязанностей, покорнейше прошу Вас от моего имени предложить ему подать просьбу об отставке».

Нетрудно понять, что после такого послания керченские археологи приняли своего рода холодный душ. В результате К.Р. Бегичев до конца своих дней довольствовался содержанием в 572 руб., правда, в августе 1860 г. он получил звание надворного советника [НА ИИМК, ф. 1, 1861 г., д. 3, л. 1–4], но это событие, по всей видимости, было весьма слабым утешением для человека, столь стеснённого в денежных средствах. В этом же году ему было разрешено приобрести новую лошадь, поскольку старая с 1853 г. «пришла в совершенную негодность и не может служить для дальнейшего употребления» [НА ИИМК, ф. 1, 1860 г., д. 18, л. 1]. На покупку новой лошади и починку старого седла Кириллу Родионовичу было выделено 60 руб.

Несмотря на все лишения и несбывшиеся надежды, К.Р. Бегичев продолжил свою работу на посту помощника директора. В это время он сделал бесценные зарисовки раскопок курганного некрополя Юз-Оба (Сто холмов) под Керчью, который в наши дни признаётся некрополем боспорской знати IV в. до н.э. [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 155–156, рис. 12–13; с. 168, рис. 25; с. 172, рис. 29; с. 177–181, рис. 33–36; с. 188, рис. 45; с. 192, рис. 49]. Эти раскопки были начаты ещё в 1858 г., но особой масштабностью отличались в 1859 г. Кирилл Родионович на своих рисунках не просто изобразил местность, на которой расположены курганы, но составил весьма содержательное их описание, высказав чрезвычайно важные замечания о структуре курганного могильника.

В некоторых курганах Юз-Обы были обнаружены монументальные каменные склепы. Особую известность заслужили склепы с уступчатым перекрытием. Среди таких памятников, зарисованных К.Р. Бегичевым, – гробница № 50 Третьего кургана (рис. 4) и двойная гробница № 48 Пятого кургана [там же, с. 180, рис. 35]. Хорошо известен и другой его рисунок, изображающий склеп № 47 Шестого кургана (рис. 5). К сожалению, исследователи не дали этому склепу должной оценки, а между тем он в высшей степени любопытен. Рисунок К.Р. Бегичева не оставляет сомнения в том, что эта гробница имела арочное перекрытие. Погребение в этом склепе не было ограблено, и оно датируется в пределах второй половины IV в. до н.э. В общем, перед нами одна из самых ранних (и хорошо датированных!) арок в античном мире [там же, с. 62–66]. Жаль, что западные коллеги её не знают, а соотечественники как будто давно о ней забыли.

В поисках древних сокровищ А.Е. Люценко предпринял раскопки самого большого кургана окрестностей Керчи – Кара-Обы [см.: Стоянов, 2014, с. 619–638]. Его

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

высота тогда достигала почти 26 м. Рисунки, составленные К.Р. Бегичевым, позволяют представить и грандиозность этого памятника, и масштаб проведённых на нём исследований (рис. 6). Несмотря на все старания, археологи не открыли здесь никакой, даже ограбленной монументальной гробницы. Кара-Оба остаётся одним из самых загадочных памятников Боспора Киммерийского.

Последним археологическим рисунком К.Р. Бегичева является изображение Острого (Десятого) кургана некрополя Юз-Оба, сделанное им в 1860 г. (рис. 7). Основные исследования этого кургана развернулись уже без него [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 72–83].

Между тем, положение Кирилла Родионовича становилось всё более и более тяжёлым. А.Е. Люценко, прекрасно понимая это, писал по этому поводу в С-Петербург [НА ИИМК, ф. 1, 1861 г., д. 6, л. 2 об. – 3]:

«... положение моего помощника, терпящего во всём крайнюю нужду, при возрастающей в Керчи с каждым годом дороговизне на квартиры и все жизненные потребности – сильно огорчает меня. Страдая последнее время опасною грудною болезнию и при всём том исполняя усердно свою обязанность, он лишён средств нанять для себя человека и пригласить доктора; из 560 р. получаемого им в год содержания он платит ныне 200 р. за квартиру, состоящую из двух комнат с конюшнею для помещения лошади. Остальных 360 р. в год едва ли достаточно, чтобы содержать себя и иметь необходимую одежду. Содержание казённой лошади, на которую отпускается 107 р. в год, по нынешним ценам, достигающим, на прим., на овёс до 6 р. четверть, сделалось также обременительным. Пособие, оказанное Вашим Сиятельством моему помощнику, я счёл бы особенною для себя милостию, о которой я и осмеливаюсь ходатайствовать пред Вашим Сиятельством в уважение долговременной и полезной службы г. Бегичева при Керченском музее».

В марте 1861 года, когда у К.Р. Бегичева стала быстро прогрессировать чахотка, А.Е. Люценко выхлопотал ему 200 руб. материальной помощи [НА ИИМК РАН, ф. 1, 1861 г., д. 6, л. 7], но этих средств могло хватить разве что на оплату квартиры за год [там же, л. 2], для достойного лечения их явно недоставало. Всего через год болезнь свела К.Р. Бегичева в могилу. А.Е. Люценко докладывал об этом С.Г. Строганову 9 марта [ф. 1, 1862 г., д. 9, л. 1]:

«Имею честь донести Вашему Сиятельству, что помощник мой, надворный советник Бегичев, после продолжительных страданий скончался 7-го числа сего месяца в 3 часа пополудни, от чахотки».

Узнав о смерти археолога, С.Г. Строганов в своём письме А.Е. Люценко от 28 марта 1862 г. отметил [ф. 1. 1862 г. № 9, л. 3]:

«С истинным сожалением узнал я из донесения Вашего о смерти Бегичева. Археологическая комиссия потеряла в нём усердного и добросовестного чиновника и человека, во многих отношениях полезного для керченских разысканий. Жалею о нём тем более теперь, когда опять настало время для производства раскопок, Вы остались без помощника».

Боспорские исследования, вып. XXXV

Помощником А.Е. Люценко, как известно, вскоре стал Ф.И. Гросс [Виноградов, 2015б, с. 317–326].

К.Р. Бегичев прожил очень недолгую жизнь, всего 43 года, 17 из которых посвятил служению археологии. Для изучения древностей Боспора Киммерийского он сделал чрезвычайно много. Его рисунки – бесценные свидетельства сделанных при его участии археологических открытий. Уверен, что давно пора собрать все эти рисунки вместе и опубликовать в виде специального издания. Такая публикация стала бы лучшим памятником российскому археологу Кириллу Родионовичу Бегичеву.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашик А.* Веспорское царство. Одесса, 1848.
- Бич О.И.* Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г. // СА. 1958. Вып. XXVIII.
- Богданов А.А., Захаров Е.В.* «Нумизматическая переписка» К.Р. Бегичева и А.Е. Люценко с Л.А. Перовским и С.Г. Строгановым // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 г. М., 2015.
- Булгаков Ф.И.* Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, гравёры и медальеры) на академических выставках последнего 25-летия. Т. I. СПб, 1889.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859 – 1917). БИ. 2012. Вып. XXVII.
- Виноградов Ю.А.* Небольшой этюд по истории боспорской археологии: Л.А. Перовский о приобретении древностей у населения // БИ. 2015а. Вып. 31.
- Виноградов Ю.А.* Российский археолог Фёдор Иванович Гросс // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 2015б.
- Виноградов Ю.А.* Российский археолог Кирилл Родионович Бегичев // Боспорские чтения. XVII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Сmealова Т.Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь, Керчь, 2012.
- Гёргс К.К.* Собрание сочинений. Т. 1. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб, 1898а.
- Гёргс К.К.* Собрание сочинений. Т. 2. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. СПб, 1898б.
- Жиль Ф.А.* Письма о Кавказе и Крыме. Нальчик, 2009.
- Застрожнова Е.Г.* Погребение с набором фигурных полихромных сосудов из Фанагории 1852 года: к истории открытия // РА. 2012. № 1.
- Застрожнова Е.Г.* Археологические раскопки Фанагории в 1852–1855 гг. (по материалам полевого журнала К.Р. Бегичева) // БИ. Вып. XXX. 2014.
- Застрожнова Е.Г.* Погребения боспорской элиты из раскопок К.Р. Бегичевым курганного некрополя Фанагории (1853–1855 гг.) // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы Международного «круглого стола» 22–25 ноября 2016 г. СПб, 2016.
- Зуев В.Ю.* К юбилею Александра Ефимовича Люценко // БФ: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. I. СПб, 2007.
- Лазенкова Л.М.* Керченский музей древностей. Исследователи: «Почтенный» археолог А.Е. Люценко // БФ: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб, 2001.
- Лазенкова Л.* Керченский музей древностей. Основатели, исследователи. Керчь, 2003.
- Майков П.* Перовский Лев Алексеевич // Русский биографический словарь. Т. XIII. СПб, 1902.
- Марти Ю.* Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.
- Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л.* Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии // Императорская археологическая комиссия (1859 – 1917).

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб, 2009.

Петрова М.М. Археология в жизни министра внутренних дел России Л.А. Перовского // Археология Крыма. 1997. Т. I.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. (Л.), 1925.

Стоянов Р.В. Из истории исследования кургана Кара-Оба // БИ. Вып. XXX. 2014.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб, 2002.

Художники народов СССР. Библиографический словарь. Т. I. М., 1979.

REFERENCES

Ashik A. *Vosporskoe tsarstvo*. Odessa, 1848.

Bich O.I. Arkhivnye dannye o statuiakh, naidennykh v Kerchi v 1850 g. *Sovetskaia arkheologiya*. 1958. Vol. 28.

Bulgakov F.I. *Nashi khudozhniki (zhivopistsy, skul'ptory, mozaichisty, graviory i medal'ery) na Akademicheskikh vystavkakh poslednego 25-letia*. Т. I. SPb, 1889.

Gyorts K.K. *Sobranie sochinenii*. Т. I. Arkheologicheskaya topografiya Tamanskogo poluostrova. SPb, 1898a.

Gyorts K.K. *Sobranie sochinenii*. Т. II. Istoricheskii obzor arkheologicheskikh issledovaniy i otkrytii na Tamanskom poluostrove. SPb, 1898b.

Khudozhniki narodov SSSR. Biobibliograficheskii slovar'. Т. I. М., 1979.

Lazenkova L.M. Kerchenskii muzei drevnostei. Issledovateli: "Pochtennyi arkheolog A.E. Liutsenko. *Bosporskii fenomen. Kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva*. St.Petersburg, 2001.

Lazenkova L. *Kerchenskii muzei drevnostei. Osnovateli, issledovateli*. Kerch', 2003.

Maikov P. Pervskii Lev Alekseevich. *Russkii biograficheskii slovar'*. Vol. XIII. SPb, 1902.

Marti Yu. *Sto let Kerchenskogo muzeia*. Kerch', 1926.

Medvedeva M.V., Vsevirov L.M., Musin A.E., Tikhonov I.L. Ocherk istorii dejatel'nosti Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii. *Imperatorskaia archeologicheskaya komissiya (1859 – 1917). K 150-letiiu so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo nasledia*. SPb, 2009.

Petrova M.M. Archeologiya v zhizni ministra vnutrennikh del Rossii L.A. Perovskogo. *Arkheologiya Kryma*. 1997. Т. I.

Rostovtsev M.I. *Skifiya i Bospor*. (Leningrad), 1925.

Stoianov R.V. Iz istorii issledovaniia kurgana Kara-Oba. *Bosporskie issledovaniia*. 2014. Vol. XXX.

Tunkina I.V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyach Rossii (XVIII – sredina XIX v.)*. М., 2002.

Vinogradov Yu.A. Stranitsy istorii boeporskoj arheologii. Epoha Imperatorskoi arheologicheskoi komissii. *Bosporskie issledovaniia*. 2012. Vol. XXVII.

Vinogradov Yu.A. Nebol'shoi etud po istorii bosporskoj arheologii. *Bosporskie issledovaniia*. 2015a. Vol. XXXI.

Vinogradov Ya.A. Rossiiskii arkheolog Fiodor Ivanovich Gross. *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti. K 70-letiiu V.P. Tolstikova*. М., 2015b.

Vinogradov Yu.A. Rossiyskii archeolog Kirill Rodionovich Begichev. *Bosporskie Chteniya. XVII. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Issledovateli i issledovaniya*. Kerch, 2016.

Vinogradov Yu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. *Yuz-Oba. Kurgannyi nekropol' aristokratii Bospora. T. I. Istorii izucheniia i topografiia*. Simferopol' – Kerch', 2012.

Zastrohznova E.G. Pogrebenie s naborom figurnykh polikhromnykh sosudov iz Fanagorii 1852 g.: k istorii otkrytiia. *Rossiiskaia arkheologiya*. 2012. № 1.

Zastrohznova E.G. Arkheologicheskie raskopki Fanagorii v 1852–1855 gg. (po materialam polevogo hzurnala K.R. Begicheva. *Bosporskie issledovaniia*. 2014. Vol. XXX.

Zastrohznova E.G. Pogrebeniia bosporskoj elity iz raskopok K.R. Begicheva kurgannogo nekropolia

Боспорские исследования, вып. XXXV

Fanagorii (1853–1855 gg.). *Elita Bospora I bosporskaia elitarnaia kul'tura. Materialy mehzdunarodnogo Kruglogo stola 22–25 noiabria 2016 g.* St.Peterburg, 2016.

Zhil' F.A. *Pis'ma o Kavkaze i Kryme.* Nal'chik, 2009.

Zuev V.Yu. К Iubileiu Aleksandra Efimovicha Liutsenko. *Bosporskii fenomen: sakral'nyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok.* St.Petersburg.

Резюме

Статья посвящена описанию жизненного пути К.Р. Бегичева (1817–1862). Этот человек, оставив воинскую службу, поступил в Керченский музей древностей в 1845 г. на должность художника и скульптора. Ему также неоднократно пришлось исполнять обязанности директора музея. К.Р. Бегичев принимал активное участие в раскопках боспорских курганов. Он исполнил большое количество рисунков, на которых запечатлены моменты этих раскопок, а также сделанные тогда находки. Его рисунки являются бесценными документами своего времени.

Ключевые слова: история науки, боспорская археология, Керченский музей, Императорская археологическая комиссия.

Summary

The article describes the life path of K.R. Begichev (1817-1862). After leaving military service, this man got the position of an artist and sculptor in the Kerch Museum of Antiquities in 1845. He also repeatedly had to perform the duties of the director of the museum. Begichev K.R. took an active part in the excavations of burial mounds of the Bosporus. He performed a large number of drawings, which depicted the moments of those excavations, as well as of the findings. His drawings are invaluable documents of that time.

Keywords: history of science, Bosporus archaeology, the Kerch museum, Imperial Archaeological Commission.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
Институт истории материальной
культуры РАН (С-Петербург),
ведущий научный сотрудник
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vinogradov Yurii Alekseevich, DSc,
Institute for the History of Material
Culture (St. Petersburg),
Leading scientific researcher
vincat2008@yandex.ru

Рис. 1. Бегичев К.Р. (?). Фотография конца 1850-х – начала 1860-х гг.
[ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 1].

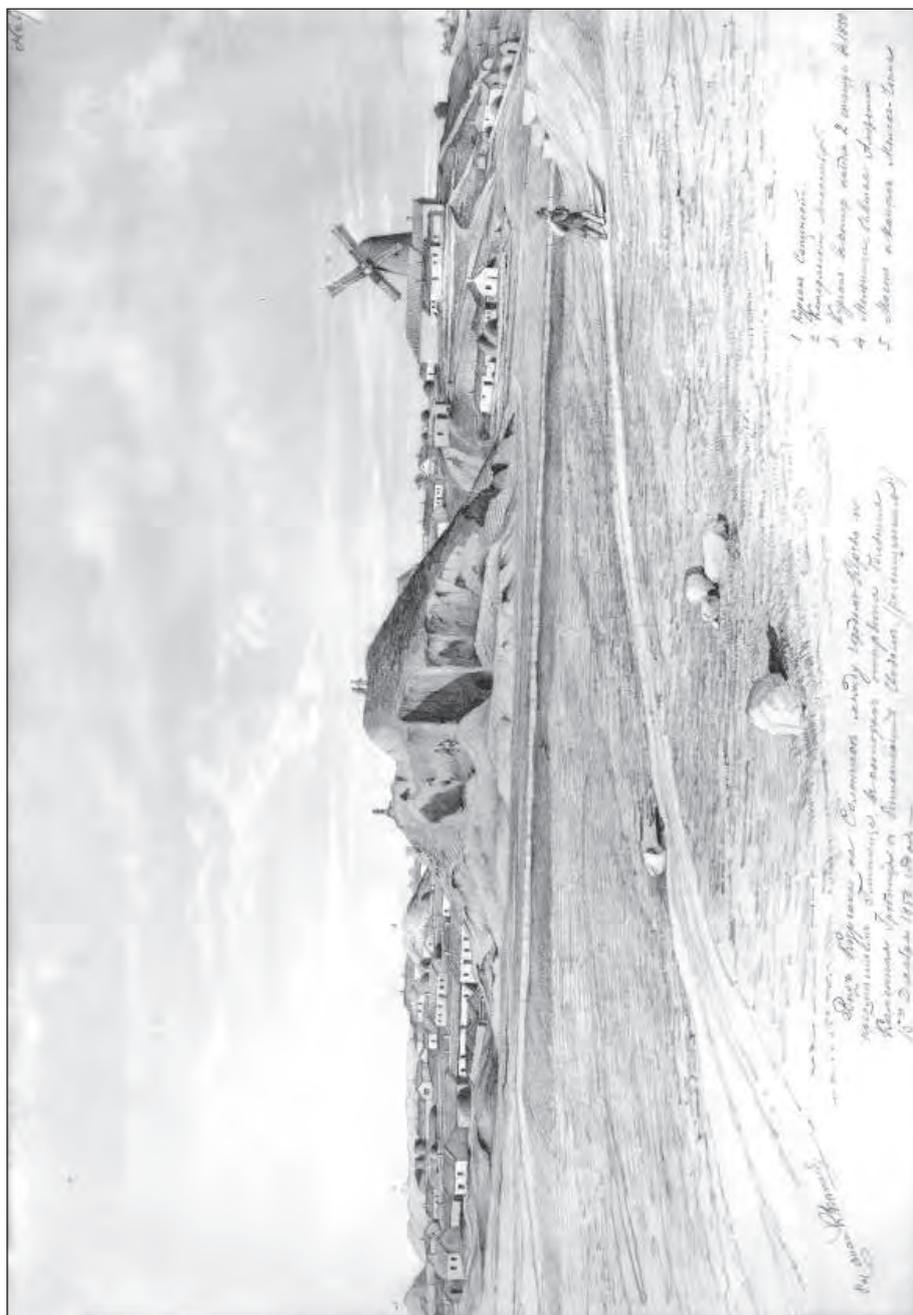

Рис. 2. Бегичев К.Р. Вид кургана на Солончаке (Мелек-Чесменского), между городом и предместьем Глинице, в котором открыта каменная гробница с египетским сводом (разграбленная) 15 декабря 1858 г. [НА ИИМК РАН, р. 1, д. 562, л. 9].
1 – курган Солончакский; 2 – Катерлеский монастырь; 3 – курган, в котором найдены две статуи в 1850 г.;
4 – мельница, бывшая Аморецки; 5 – мост и канал Мелек-Чесме.

Рис. 3. Бегичев К.Р. Вид Второго скалистого кургана на Павловском мысу с юго-восточной стороны. 29 мая 1858 г.
[НА ИИМК РАН, р. 1, д. 562, л. 1].

Рис. 4. Бегичев К.Р. Уступчатый склеп № 50, открытый в Третьем кургане некрополя Юз-Оба, 1859 г.
[НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 11].

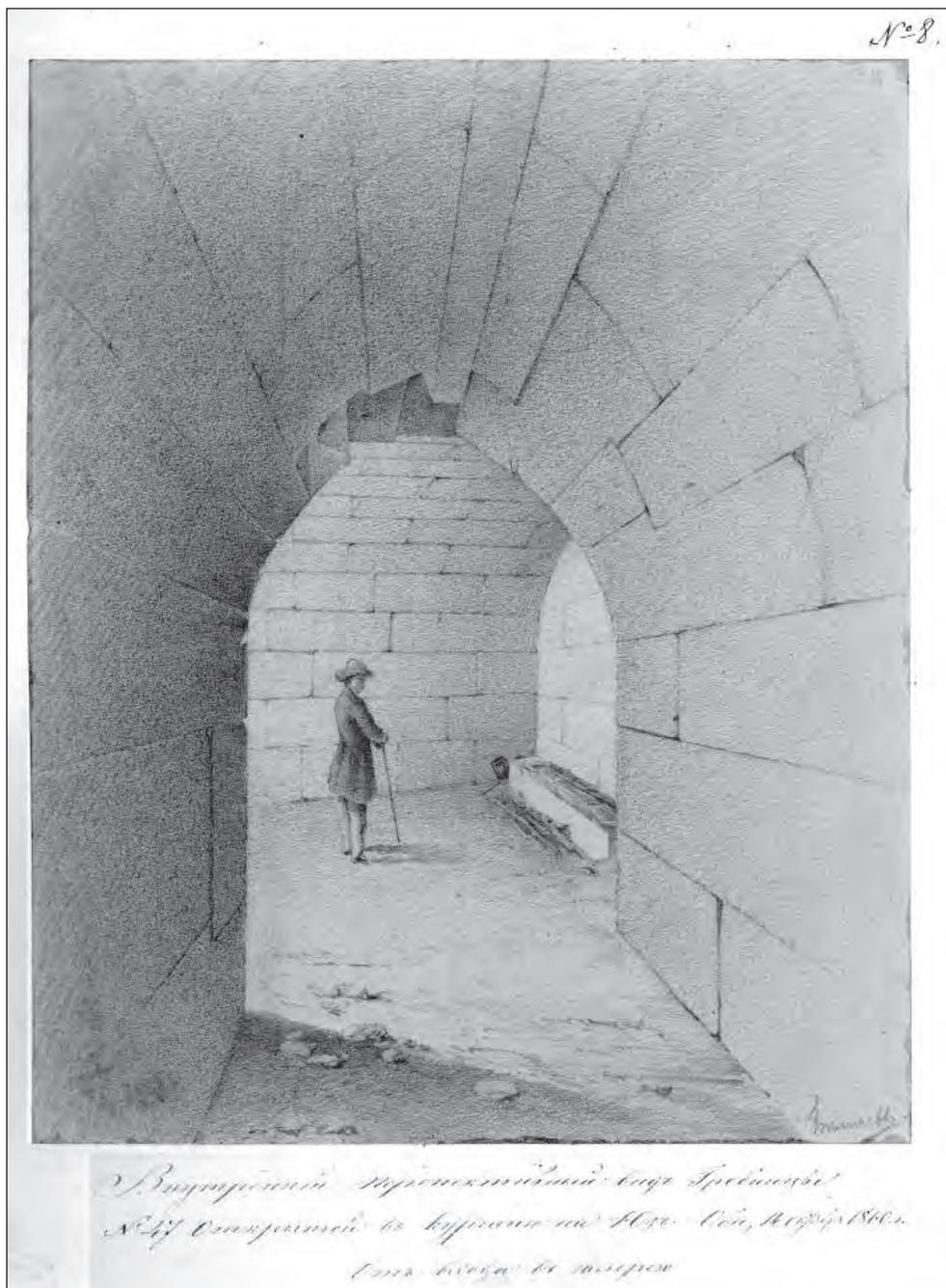

Рис. 5. Бегичев К.Р. Гробница № 47, открытая в Шестом кургане некрополя Юз-Оба [НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 21].

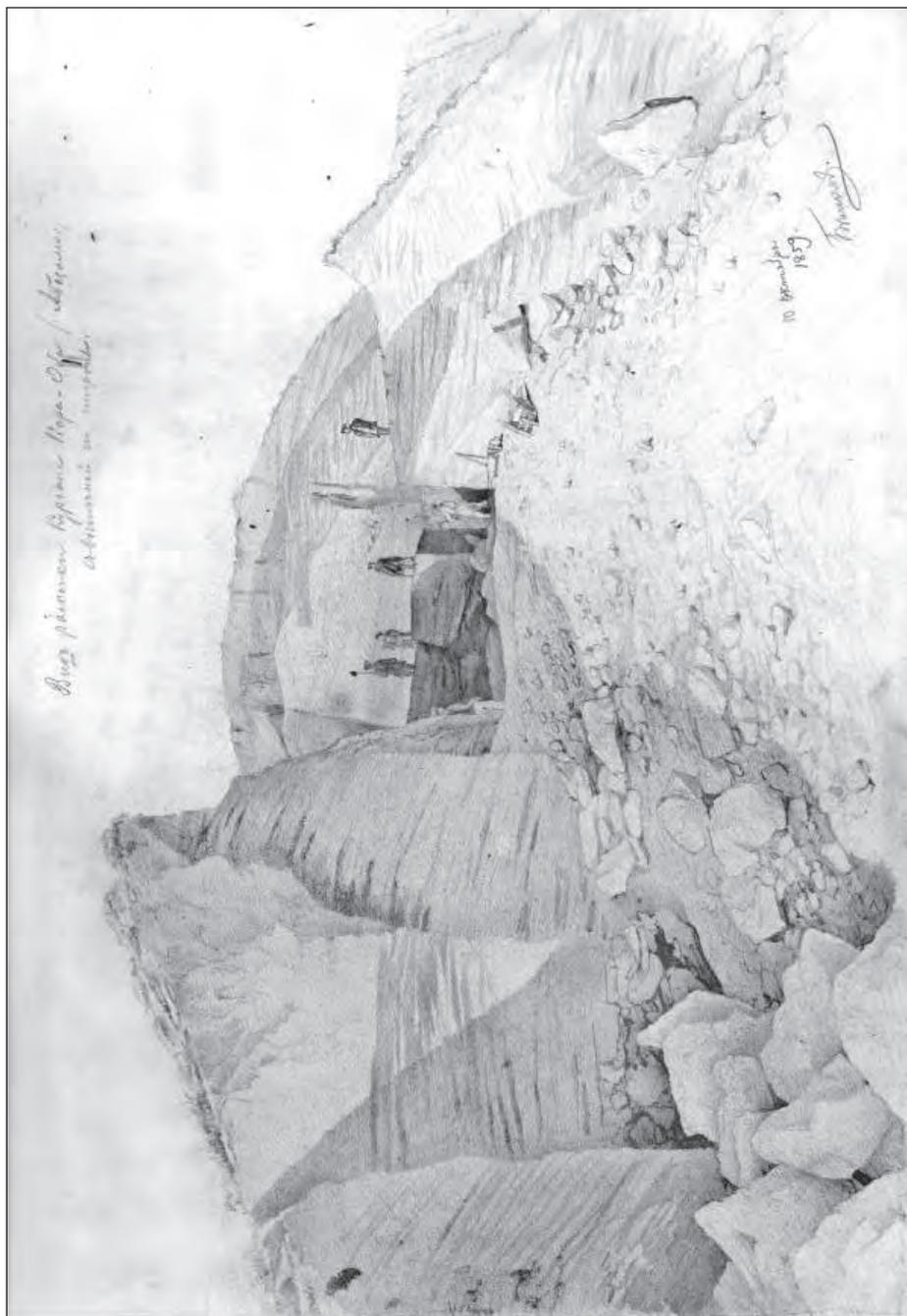

Рис. 6. Бегичев К.Р. Раскопки кургана Кара-Оба (Абазали) с восточной стороны. 10 октября 1859 г. [НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 5].

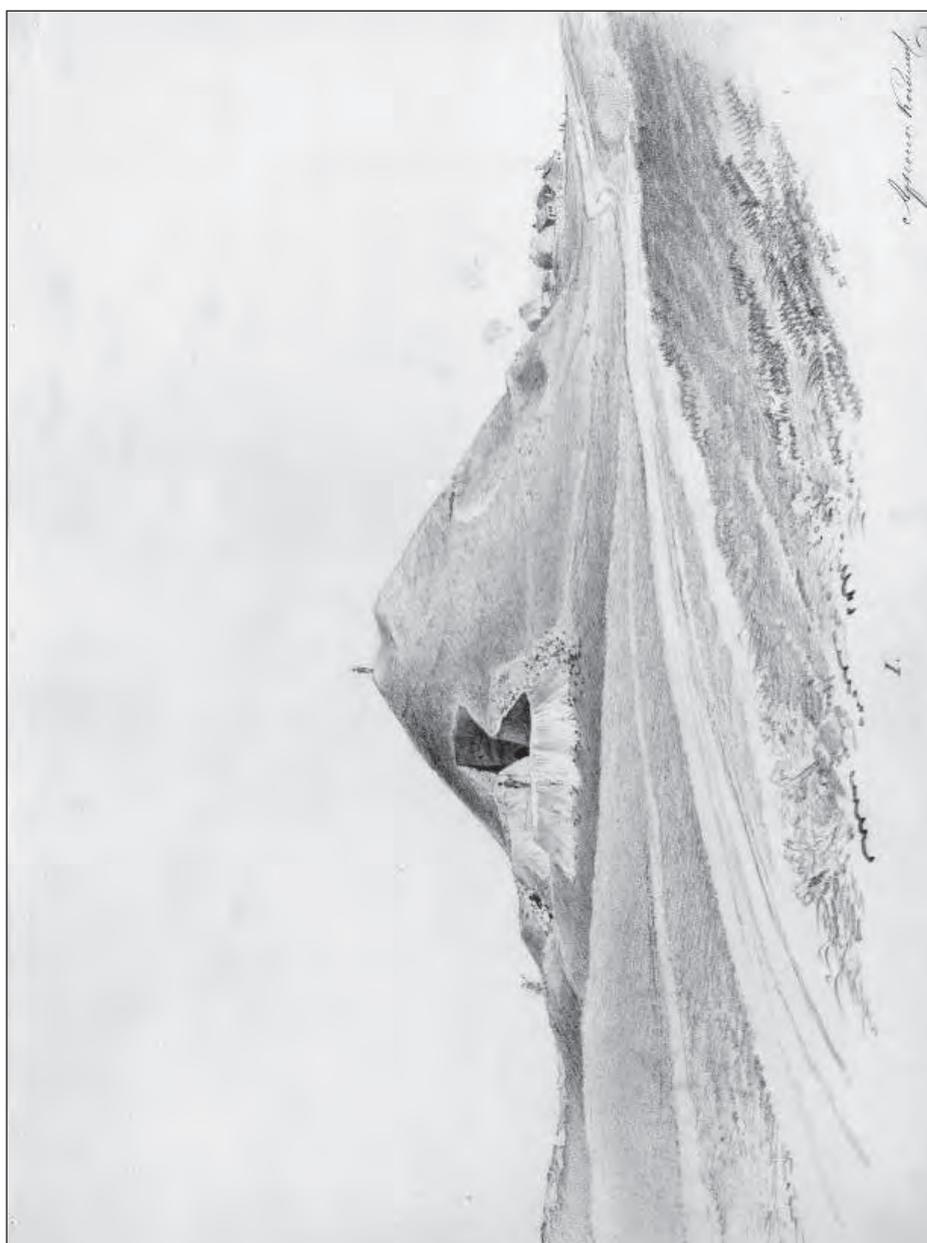

Рис. 7. Бегичев К.Р. Острый (Десятый) курган некрополя Юз-Оба [НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 29].